

## Материалы Центрального архива ФСБ России о художнике В.И. Шухаеве

*Василий Христофоров*

### **Soviet security service's documents on artist V.I. Shukhaev**

*Vassiliy Khristoforov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,  
and Russian State University for Humanities, Moscow)*

В конце 2014 г. в Московском музее современного искусства прошла выставка «Василий Шухаев (1887–1973). Ретроспектива», где были представлены работы всего периода творческой деятельности художника. Кураторы выставки Е. Яковлева и Е. Каменская постарались максимально подробно рассказать о судьбе Шухаева, в которой отразилась не только история дореволюционной и советской России, но и особенности художественной жизни Западной Европы межвоенного времени.

Представленный на выставке материал освещал сотрудничество Шухаева с В.Э. Мейерхольдом, Н.Ф. Балиевым, Л.В. Варпаховским, работу художника в театре Магаданского ГУЛАГа. Интерес посетителей вызвали карикатуры на известных деятелей политики и литературы начала 1930-х гг. Демонстрировались пейзажи, натюрморты, портреты, декорации, эскизы театральных костюмов, созданные художником как в начальный период его творчества, так и в последние годы жизни.

Но несмотря на столь масштабную экспозицию, жизнь и творчество Шухаева изучены ещё далеко не в полной мере. Н.А. Элизбарашвили, составитель недавно вышедшего сборника материалов о нём, отметил, что, «к сожалению, до сих пор, за исключением монографии И.Г. Мямлина<sup>1</sup>, нет ни одного серьёзного исследования творчества этого художника, где бы внимательно и последовательно прослеживались эволюция творчества, пути становления и развития его незаурядного мастерства, анализировалась бы и нашла объяснение сложная структура его художественного мировосприятия, отразившаяся в произведениях и породившая столь противоречивые отзывы о нём и его искусстве»<sup>2</sup>. Составители книги, восполняя этот пробел, использовали в публикации воспоминания В.И. Шухаева, его жены Веры Фёдоровны, фотографии и письма из личного архива, а также воспоминания современников.

Однако наименее исследованным остаётся период жизни художника, связанный с арестами и осуждением. Хотя о пребывании на Колыме и в Магадане можно узнать из воспоминаний самих супругов Шухаевых и их знакомых, однако о событиях, предшествовавших заключению, там говорится очень скупо. Подробнее рассказать о них могут материалы архивного следственного дела

---

© 2016 г. В.С. Христофоров

<sup>1</sup> Мямлин И.Г. Василий Иванович Шухаев. Л., 1972.

<sup>2</sup> Василий Шухаев. Жизнь и творчество / Науч. ред. Е.П. Яковлева, сост. Н.А. Элизбарашвили. М., 2010. С. 6.

№ Р-11928 в отношении супругов Шухаевых, хранящегося в Центральном архиве ФСБ России. Копии некоторых документов из этого дела – ордер на арест, анкета арестованного, протокол допроса, обвинительное заключение, постановление Особого совещания НКВД от 4 сентября 1937 г., заявления Шухаева от 1937 и 1954 г., постановление о реабилитации – были представлены на упомянутой выставке.

Василий Иванович Шухаев родился в Москве в 1887 г. Его дед Яков Андреевич владел небольшой сапожной мастерской, где работали наёмные мастера, а отец художника был закройщиком. Родители Шухаева и его старшая сестра умерли рано, и воспитанием мальчика занимались бабушка с дедом, которые отдали его в церковно-приходскую школу. По окончании её Шухаев поступил в Строгановское училище, которое окончил в 1905 г. С 1906 по 1912 г. он обучался в Академии художеств в Петербурге, в частности, в мастерской Д.Н. Кардовского. Во то время он сдружился с однокашником А.Е. Яковлевым<sup>3</sup>. В 1913–1914 гг. они вместе путешествовали по Италии. Именно к этому времени относится широко известное полотно «Автопортреты. Арлекин и Пьеро», на котором изображены Яковлев и Шухаев.

Вернувшись в 1916 г. в Россию, Василий Иванович преподавал в Петроградском училище технического рисования А.Л. Штиглица и в Академии художеств. В 1919 г. он и Вера Фёдоровна поженились, а в 1920 г. пешком, по льду Финского залива, ушли в Финляндию, откуда в следующем году переехали во Францию. В Париже Шухаев приобрёл мировую известность. Персональные выставки его работ проходили в Париже (1921, 1929), Брюсселе (1929), Сиднее (1929); его картины экспонировались в Лондоне, Копенгагене, Стокгольме, Бирмингеме, Берлине, Дрездене, Мюнхене, Франкфурте, Вене, Риме, Женеве, Праге, Нью-Йорке, Филадельфии, Чикаго, Питтсбурге, Белграде, Сиднее; их приобретали музеи Парижа, Брюсселя, Гренобля, Гента, Нью-Йорка, Сиднея, Праги, Белграда, а также многие частные коллекционеры<sup>4</sup>.

Несмотря на признание за границей и множество заказов (декоративная, монументальная и станковая живопись, подготовка эскизов театральных декораций, костюмов для кино, иллюстрирование книг, графика, плакат, карикатура), а также возможность заниматься педагогической деятельностью (руководство студией рисования и живописи в Париже), Шухаев искал пути возвращения на Родину. В 1935 г. через советское консульство в Париже художник подал заявление в ЦИК СССР, был восстановлен в советском гражданстве и получил разрешение вернуться на родину, где сразу же был зачислен профессором в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры и Институт повышения квалификации архитекторов при Академии архитектуры СССР в Москве. Жена его работала в Москве художественным руководителем на фабрике «Красная Роза», где проявила себя новатором в искусстве текстильного рисунка.

В апреле 1937 г. супруги были арестованы, а в сентябре Особое совещание при НКВД СССР постановило их «за шпионскую деятельность заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет»<sup>5</sup>. Из Бутырской тюрьмы Шу-

<sup>3</sup> А.Е. Яковлев (1887–1938) в 1909–1918 гг. сотрудничал с журналами «Сатирикон» и «Новый Сатирикон», с 1912 г. входил в «Мир искусства», с 1920 г. жил во Франции.

<sup>4</sup> См.: Василий Шухаев. Жизнь и творчество. С. 6–74.

<sup>5</sup> ЦА ФСБ России, д. Р-11928, т. 1, л. 114–115.

хаевы были направлены на Колыму<sup>6</sup>. До середины 1939 г. художник отбывал наказание на прииске Кинжал, затем, до конца 1940 г., – на стрелке Колымской шоссейной трассы, а после этого до 1947 г. – в Магадане. Срок наказания окончился в апреле 1945 г., но супруги до 1947 г. оставались в Магадане, а потом переехали в Тбилиси. В 1948 г. Шухаев был зачислен в Тбилисскую Академию художеств в качестве преподавателя по кафедре рисунка. Однако вскоре его творческая деятельность вновь прервалась: в декабре 1948 г. на основании ордера МГБ Грузинской ССР он был арестован. Как и раньше, Василий Иванович виновным себя не признал и заявил, что ни в прошлом, ни в настоящем не занимался никакой шпионской или антисоветской деятельностью. В феврале 1949 г. было принято постановление о прекращении следственного дела, в 1956 г. – пересмотрено и прекращено также дело 1937 г. В 1958 г. Шухаев был утверждён в учёном звании профессора по кафедре рисунка. До конца дней он работал и создал несколько циклов картин, оформил ряд спектаклей. В 1973 г. Василий Иванович скончался и был похоронен в Тбилиси.

Документы ЦА ФСБ России позволяют установить точную хронологию происходивших на Лубянке и в Грузии событий, а также выяснить некоторые подробности жизни Шухаевых, отразившиеся в протоколах их допросов. Том дела, в котором сосредоточены материалы 1937 г., содержит процессуальные документы: ордера на арест и обыск; анкеты арестованных; постановления о предъявлении обвинения, избрании меры пресечения, продлении срока содержания под стражей; протоколы допросов обвиняемых и других лиц; обвинительное заключение и решение Особого совещания по делу; заявления с просьбой о пересмотре дела. Здесь же находятся материалы по реабилитации: обзорные справки, составленные сотрудниками органов госбезопасности по делам в отношении тех, кто был связан с Шухаевыми; характеристики; ходатайства и решение о реабилитации. Материалы 1948 г. совсем невелики по объёму: ордера на арест и постановления о продлении срока содержания под стражей; два протокола допросов; документы о содержании в тюрьме № 1 МВД Грузинской ССР; справка врача тюрьмы МГБ и постановление об освобождении из-под стражи.

Постановления об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения, а также первые ордера на обыск и арест супругов были выписаны 15 апреля 1937 г. в Ленинграде<sup>7</sup>. Обыск и задержание Веры Фёдоровны были проведены 16 апреля в Москве по адресу улица Большая Ордынка, дом № 27а, квартира № 1. Сотрудники УГБ УНКВД по Ленинградской области с ордером на обыск и арест Василия Ивановича прибыли 17 апреля 1937 г. по адресу Васильевский остров, 4-я линия, дом № 1/3, квартира № 78. Ордера на обыск и арест Шухаевых утвердил известный в НКВД СССР «специалист по работе с интеллигенцией» Я.С. Агранов<sup>8</sup>.

25 апреля 1937 г. состоялся первый допрос Шухаева, на котором он рассказал, как в 1920 г. вместе с Верой Фёдоровной, художником Иваном Альбертовичем Пуни и его женой Ксенией Пуни-Богуславской перешли границу пешком по льду Финского залива. По словам Шухаева, подготовкой к переходу границы занимался Пуни, у которого была дача в Куоккала. После двухнедельного карантина в Териоках Шухаевы жили в Мустомьяках у знакомой Василия

<sup>6</sup> Там же, л. 111, 113.

<sup>7</sup> Там же, л. 1, 1а, 39, 40.

<sup>8</sup> Там же, л. 6, 46.

Ивановича – артистки театра «Летучая мышь» Анны Гейнц. В общей сложности супруги прожили в Финляндии год, а потом получили французскую визу, в чём помог друг Шухаева художник Яковлев, и обосновались в Париже. Путь из Финляндии во Францию проходил через Великобританию. Шухаев также сообщил, что в 1932 г. ездил с женой на автомобиле через Испанию во Французское Марокко, где в течение 2.5 месяцев расписывал дом марокканского паши в Касабланке, а также делал панно для гостиницы в Рабате. Вера Фёдоровна, кроме того, выезжала в Брюссель, Лондон и Берлин<sup>9</sup>.

К архивному следственному делу приобщены два протокола допросов Шухаева – от 3 мая и 7 июня 1937 г. Следователи в основном интересовались его знакомствами и связями в Париже. Художник сообщил, что во время пребывания во Франции поддерживал дружеские отношения с композитором С.С. Прокофьевым, писателем А.Н. Толстым, артистом В.А. Ефремовым, писателем и литературным критиком Д.П. Святополк-Мирским, директором Российского музыкального издательства в Париже Г.Г. Пайчадзе. В круг общения Шухаева в Париже входили и многие русские художники: И.Я. Билибин, А.Н. Бенуа, М.В. Добужинский, Н.И. Альтман и др.

Следователей особенно интересовало знакомство с адвокатом А.Я. Гальперном, который ценил творчество художника и покупал его картины, а также с женой Гальперна – С.Н. Андрониковой-Гальперн. В 1917 г. этот юрист занимал пост управляющего делами Временного правительства, а затем эмигрировал и обосновался в Лондоне. Именно благодаря его стараниям Шухаевы получили английскую транзитную визу. Хотя сам Гальперн называл себя белоэмигрантом и считался в НКВД английским разведчиком, по мнению британской контрразведывательной службы, он имел связь с посольством СССР, ведя дела в пользу некоторых советских дипломатических и торговых представителей в Англии. Салон Саломеи Андрониковой-Гальперн, который посещали Шухаевы, был любимым местом встречи русских эмигрантов, где они говорили о литературе и живописи, музыке и балете. Кисти Шухаева принадлежали три портрета Андрониковой-Гальперн.

На допросах Шухаев также сообщил, что встречался в Париже с видными деятелями Белого движения, руководителями Российского общевоинского союза А.П. Кутеповым и Е.К. Миллером. По его словам, он виделся с Кутеповым однажды в ресторане и их беседа в основном «носила характер застольных разговоров». Шухаев также рассказал, что в его школе рисования обучалась дочь генерала Миллера. По её приглашению он один раз «был у них на квартире, познакомился с самим генералом Миллером и завтракал у них»<sup>10</sup>. В обвинительном заключении это знакомство было названо «тесной связью с видными деятелями зарубежной контрреволюции»<sup>11</sup>. Шухаев поддерживал дружеские отношения с издателем модных парижских журналов Люсьеном Вожелем, главным редактором французского журнала «Вог» Мишелем де Брюнофф, автором и иллюстратором сказок для детей Жаном де Брюнофф, журналистом Робертом Дюбаром, писателем Андре Мальро, что в НКВД было расценено как сотрудничество с французской спецслужбой «Сюрте-Женераль» и «шпионаж в пользу Франции»<sup>12</sup>.

<sup>9</sup> Там же, л. 53–62, 64–69 об.

<sup>10</sup> Там же, л. 61–62.

<sup>11</sup> Там же, л. 105.

<sup>12</sup> Там же, л. 70–72.

В круг знакомых Шухаева входил и один из основателей Украинской социал-демократической рабочей партии, бывший член Центральной рады В.К. Винниченко, а также заведующий отделом виз и паспортов МВД Франции Сикар, общение с которым велось по поводу получения въездных виз во Францию для родственников Шухаевых. На допросах звучали ещё два имени – Г.Г. Элиава и Ж.С. Гогоберидзе. Их показания были также приобщены к делу. Первый, профессор Тбилисского бактериологического института, был арестован 22 января 1937 г., осуждён Военной коллегией Верховного суда СССР за шпионаж и приговорён к высшей мере наказания. Второй, поэт и редактор «Литературной газеты», был арестован 5 апреля 1937 г., а 12 сентября также приговорён к высшей мере наказания по обвинению в шпионаже. Элиава на допросе говорил: «В Париже... находится салон уроженки г. Тбилиси быв[шей] княжны Андрониковой Саломеи, по мужу Гальперн – для виду просоветский, а на деле англо-французская шпионская квартира. Муж Гальперн является агентом англоразведки, жена Саломея – работает в “Сюрте-Женераль”... В этом салоне был завсегдаем и близкой связью Андрониковой редактор французского иллюстрированного журнала “Вью” французский разведчик Люсьен Вожелъ». Помимо этого, Элиава обвинил и Веру Фёдоровну: «Я знаю, что Шухаева сотрудничала в Париже с “Сюрте-Женераль”»<sup>13</sup>.

Гогоберидзе сначала лишь подтвердил своё близкое знакомство с Верой Фёдоровной и рассказал, что «помог ей приехать в СССР, дав ей рекомендацию для предоставления в посольство, поскольку она стремилась приехать в СССР». Однако 19 июля его показания звучали уже иначе: «Она меня ввела в дом Андрониковой. Я сначала не понимал, какую цель они преследовали, втягивая меня в своё общество, но оказалось, что я им был нужен для того, чтобы получать у меня информацию о советских писателях, о настроениях советской художественной интеллигенции, о жизни советской колонии в Париже и её отдельных представителях. Эту шпионскую информацию я им давал... Сохранив связь с Шухаевой Верой Фёдоровной, я потом помог ей приехать в СССР. По её приезду в Москву в 1934 г. я установил с ней связь. Встречаясь систематически с ней, я информировал её обо всём, что я знал о положении в писательских кругах и на культурном фронте. Сообщал ей о процессах, происходящих в кругах русской художественной интеллигенции, в частности, об антисоветски настроенных писателях (Мандельштаме, Пастернаке, Пильняке)... Помимо указанного, я сообщал Шухаевой данные о политике партии в области художественной литературы, представляя линию партии в этой области с отрицательной стороны, критиковал отношение партии к писателям за ту материальную помощь, которая оказывалась им»<sup>14</sup>.

В.Ф. Шухаева не отрицала знакомства: «Гогоберидзе хлопотал за меня перед соответствующими властями, чтобы мне разрешили въезд в СССР по моей просьбе»<sup>15</sup>. Однако шпионскую и контрреволюционную деятельность, а также связь с «Сюрте-Женераль» как Василий Иванович, так и его жена категорически отрицали. Несмотря на это, показания Элиава и Гогоберидзе легли в основу обвинительного заключения по делу супругов, в котором говорилось, что они «бежали из СССР в Финляндию, при содействии б[ывшего] управляющего делами Временного правительства англоразведчика Гальперна переехали в

<sup>13</sup> Там же, л. 76–79.

<sup>14</sup> Там же, л. 95–98, 99–101.

<sup>15</sup> Там же, л. 37 об.

Париж. В Париже, начиная с 1921 г. до возвращения в СССР состояли в тесной связи с англо-французскими шпионами Гальперном, Андрониковой и Вожелем, а также и с видными деятелями зарубежной контрреволюции (Кутепов, Миллер, Винниченко). Шухаева В.Ф. являлась сотрудницей французской разведки. Вернувшись в СССР, продолжали поддерживать контрреволюционную связь со связанными с ними по Парижу ныне разоблаченными шпионами Элиава и Гогоберидзе»<sup>16</sup>. 4 сентября 1937 г. Особое совещание при НКВД СССР постановило: Шухаева Василия Ивановича и Шухаеву Веру Фёдоровну «за шпионскую деятельность заключить в исправтрудлагерь сроком на восемь лет»<sup>17</sup>.

12 сентября 1937 г. В.И. Шухаев обратился на имя Ежова с просьбой о пересмотре дела. Он вновь отрицал, что когда-либо занимался шпионской деятельностью, и в заключение писал: «Я прошу как справедливости отменить приговор и дать мне и моей жене возможность продолжать выполнять взятые на себя художественные обязательства»<sup>18</sup>. 18 февраля 1939 г. В.Ф. Шухаева подала аналогичное заявление на имя уже Берии. В нём говорилось, что во время пребывания за границей «стремление, желание вернуться в Союз было всегда... Хотелось работать у себя, с пользой отдать своё знание, умение, опыт, свой талант на обучение молодых художников, хотелось принимать участие в огромном строительстве новой страны». Вера Фёдоровна недоумевала о причинах, давших основание заподозрить их в шпионаже: «Какой шпионской деятельностью мы занимались? Что мы шпионили, для кого? Я искренне говорю, я не понимаю до сих пор, откуда могло взяться это обвинение? Что в нашей жизни, в нашем поведении могло вызвать это подозрение?». В заключение она выражала надежду на пересмотр дела: «Я верю в то, что пересмотрят наше дело, дадут возможность Шухаеву работать как художнику»<sup>19</sup>.

16 июля 1939 г. мать Веры Фёдоровны – Серафима Александровна Гвоздѣва – обратилась с заявлением на имя Берии с просьбой о пересмотре дела. До этого, когда приговор ещё не был вынесен, она обращалась и к Ежову<sup>20</sup>. 31 августа 1939 г. на имя Берии обратилась сестра В.Ф. Шухаевой – Елена Фёдоровна Гвоздѣва. «Мне хорошо известно, как жили Шухаевы за границей, и я совершенно убеждена, что они не только не могли быть причастны к какой-нибудь антисоветской деятельности, – писала она, – но, наоборот, все их мысли и стремления были направлены в сторону утверждения идей Советского Союза... Я настойчиво и убедительно прошу вас, пересмотрите это дело и верните Советскому Союзу глубоко одарённых и очень преданных своей Родине людей, работы которых могли бы быть ценным вкладом в сокровищницу советского искусства»<sup>21</sup>. Однако по всем обращениям о пересмотре дела был дан отказ<sup>22</sup>.

Второе дело в отношении Шухаева, как уже говорилось, было начато в 1948 г. 21 декабря заместитель министра государственной безопасности Грузинской ССР и военный прокурор войск МВД Грузинской ССР утвердили постановление на арест художника, где говорилось, что он, «являясь гражданином СССР и будучи враждебно настроен против советской власти, в 1920 г. вместе

<sup>16</sup> Там же, л. 105.

<sup>17</sup> Там же, л. 114, 115.

<sup>18</sup> Там же, л. 134 об.

<sup>19</sup> Там же, л. 127–130.

<sup>20</sup> Там же, л. 120–123, 135–135 об.

<sup>21</sup> Там же, л. 136–136 об.

<sup>22</sup> Там же, л. 117–118.

со своей женой Шухаевой-Гвоздёвой В.Ф. сбежал за границу; находясь в Париже, они вращались среди белоэмигрантов и сотрудников англо-французской разведок, в частности, в семье Гальперна-Андрониковой, квартира которой являлась явочной квартирой этих разведок. Жена Шухаева вместе со шпионкой Андрониковой вовлекла в шпионскую деятельность Гогоберидзе Жанго, который впоследствии был арестован. В 1934 г. Шухаев В.И. вместе с женой возвратился в СССР, где продолжал встречи с иностранными представителями, а его жена собирала сведения шпионского характера, интересуясь антисоветски настроенными писателями»<sup>23</sup>. На следующий день Шухаев был арестован, а 23 декабря состоялся его первый допрос. Ему вновь пришлось рассказывать о том, как он жил за границей, с кем был знаком и как вернулся в СССР. При этом следователь интересовался «шпионской деятельностью» Шухаевых как за границей, так и на Родине, на что художник неизменно отвечал: «Никакой вражеской деятельностью, направленной против советской власти, я никогда не занимался. Прошу верить мне в этом... У меня не было для этого каких-либо причин... Будучи в прошлом арестован за подозрение в шпионаже, я не признал этого и, находясь в ссылке, неоднократно писал жалобы о пересмотре моего дела»<sup>24</sup>.

29 декабря 1948 г. МГБ Грузинской ССР было подготовлено постановление, в котором отмечалось, что Шухаев, «будучи недоволен молодым советским государством, в 1920 г. изменил Родине и вместе со своей женой сбежал за границу, где проживал до 1935 г., вращался среди контрреволюционного элемента, а затем, вернувшись в Советский Союз, неоднократно имел встречи с представителями иностранных разведок»<sup>25</sup>. Таким образом, речь шла о том, чтобы повторно предъявить обвинения в совершении мифических преступлений, наказание за которые Василий Иванович уже отбыл.

19 февраля 1949 г. Шухаева осмотрел врач, а через три дня на основании медицинского заключения было утверждено постановление о прекращении следственного производства и освобождения из-под стражи арестованного: «Учитывая, что Шухаеву В.И. в настоящее время 62 года, и он страдает старческой дряхлостью, следствие по обвинению Шухаева В.И. производством прекратить, обвиняемого из-под стражи освободить»<sup>26</sup>.

9 июня 1954 г. Василий Иванович и Вера Фёдоровна направили заявления на имя Генерального прокурора СССР с просьбой пересмотреть их дело. К заявлениям прилагались положительные характеристики, которые супруги Шухаевы начали собирать ещё в Магадане, когда решался вопрос об их отъезде. Для того чтобы художник смог получить хороший отзыв от Дальстроя, на имя его руководителя И.Ф. Никишова ещё в 1945 г. была направлена краткая характеристика, подписанная академиком А.В. Щусевым: «Известный мне в течение более 30 лет известный художник Василий Иванович Шухаев является выдающимся мастером живописи и заслуживает быть привлечённым к лучшим работам нашей Родины для декоративных монументальных росписей общественных зданий»<sup>27</sup>. Эта характеристика позволила Василию Ивановичу получить работу в магаданском Доме культуры им. М. Горького. Перед отъездом из

<sup>23</sup> Там же, т. 2, л. 1.

<sup>24</sup> Там же, л. 15–17 об.

<sup>25</sup> Там же, л. 18.

<sup>26</sup> Там же, л. 21.

<sup>27</sup> Там же, т. 1, л. 148.

Магадана Шухаев получил положительную характеристику из Дома культуры, а также от руководства Дальстроя<sup>28</sup>.

Генеральная прокуратура поручила провести проверку заявлений Шухаевых Главной военной прокуратуре. В процессе проверки исследовались материалы архивных уголовных дел на Шухаевых, направлялись запросы начальнику Центрального государственного особого архива МВД СССР с просьбой срочно проверить и сообщить, фигурируют ли в материалах архива сами супруги и их знакомые за эмигрантский период. 3 марта 1956 г. было утверждено заключение, в котором предлагалось «возбудить ходатайство перед Генеральным прокурором СССР с предложением внести протест в Военную коллегия Верховного суда СССР об отмене постановления Особого совещания при НКВД СССР от 4 сентября 1937 г. в отношении Шухаева Василия Ивановича и Шухаевой Веры Фёдоровны и прекращении дела по их обвинению по статье 204 “б” УПК РСФСР». 9 апреля 1956 г. заместитель Генерального прокурора СССР подготовил протест в Военную коллегия Верховного суда СССР (в порядке надзора). В документе подчёркивалось: «Каких-либо материалов о преступной деятельности Шухаева В.И. и Шухаевой В.Ф. после бегства их в 1920 г. из Ленинграда в Финляндию в Комитете госбезопасности при Совете Министров СССР (кроме показаний арестованных Элиава и Гогоберидзе) не имеется. Данных о их преступной связи с Винниченко, Миллером, Кутеповым, Андрониковой и другими белоэмигрантами, а также Вожелем и другими французскими журналистами в ходе проверки не получено... Гогоберидзе Ж.С. в судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР от данных им на следствии показаний отказался»<sup>29</sup>. Заместитель Генерального прокурора СССР просил отменить постановление Особого совещания при НКВД СССР и прекратить уголовное дело за недоказанностью обвинения. 1 сентября 1956 г. Военная коллегия Верховного суда приняла соответствующее решение<sup>30</sup>.

Архивы таят в себе много тайн, подчас мрачных и неприглядных. Но в последнее время они всё чаще открывают неизвестные прежде страницы истории нашей страны, возвращают обществу забытые или сознательно вымаранные из истории имена и биографии талантливых писателей, художников, учёных, военачальников.

---

<sup>28</sup> Там же, л. 147.

<sup>29</sup> Там же, л. 245, 248.

<sup>30</sup> Там же, л. 246–249.